

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383

УДК 821.161.1

**«Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина:
адресат, функция, датировка**

© 2019, О.А. Проскурин

Аннотация: В статье предпринята попытка доказать, что текст Пушкина, печатавшийся при жизни автора под заголовком «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.» (1825) и считавшийся адресованным А.А. Дельвигу, задумывался и создавался как письмо к брату — Л.С. Пушкину. В статье пересматриваются датировка и прагматика этого сочинения, по-новому определяется его связь с литературным и биографическим контекстом.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Л.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, текстология, датировка, проблема адресата, история текста, поэма «Бахчисарайский фонтан», Крым

Информация об авторе: Олег Анатольевич Проскурин, к.ф.н., Visiting Whitney J. Oates Fellow, Принстонский университет, Принстон (Нью-Джерси), США. NJ, USA. E-mail: proskurin.oleg@gmail.com

Цитирование: *Проскурин О.А.* «Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина: адресат, функция, датировка // *Литературный факт.* 2019. № 2 (12). С. 348–383 DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383

«Заказ Дельвига»?

Сочинение, впервые опубликованное в «Северных Цветах на 1826 год» под заголовком «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.» и при жизни автора неоднократно переиздававшееся, трудно отнести к числу обойденных исследовательским вниманием: к нему постоянно обращались и обращаются биографы Пушкина, исследователи его прозы и поэзии, краеведы, историки, археологи и даже ботаники. И тем не менее нельзя отнести его и к числу хорошо изученных и даже к числу хорошо понятых: оно во многом остается загадочным и в плане генезиса, и в плане назначения.

«Письмо» сохранилось как в печатных, так и в рукописных источниках. Рукописные представлены черновиком в тетради № 835 («Второй масонской»), ныне хранящейся в Пушкинском Доме, и беловым текстом, послужившим основой для публикации в «Северных цветах на 1826 год» (ПД № 249), с поправками, зачеркиваниями и припиской в конце: «Пожалуйста не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав уже), а начала в самом деле не нужно». Существует три печатных версии текста, к публикации которых Пушкин был в той или иной степени причастен¹.

Г.О. Винокур первым отметил не прагматический (коммуникативный), а *литературный* характер этого «письма», заставляющий относиться к нему именно как к литературному тексту, а не как к документальному свидетельству. Он же связал этот текст с исполнением литературного заказа: «Дело в том, что это не “простое”, а именно литературное письмо, литературное произведение, написанное в ответ на прямой заказ Дельвига прислать что-нибудь для “Северных цветов”. Именно, 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: “Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть”. Интересно, что за исполнение просьбы Пушкин принялся только в декабре, т.е. уже после получения книги Муравьева от брата»².

К сходному выводу, хотя и без прямого упоминания издательского «заказа», пришел Б.В. Томашевский: «Пушкин предполагал опубликовать этот отрывок в “Северных цветах” на 1825 г., но, по-видимому, послал его слишком поздно, и он появился только в “Северных цветах” на 1826 г.»³.

Похожую картину нарисовал и В.Э. Вацуру в книге, посвященной истории альманаха «Северные цветы»:

Вероятно, еще в конце 1824 года, прочитав книгу И.М. Муравьева «Путешествие по Тавриде в 1820 году», он (Пушкин. — *О.П.*) начал набрасывать письмо к Дельвигу, точнее статью в форме письма, где

¹ В т.н. Большом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (М.; Л., 1937–1959; далее ссылки на это издание будут даваться непосредственно в тексте статьи, с обозначением римской цифрой — тома, арабской — страницы) текст «письма» опубликован *трижды*, причем в разных версиях: текст «Северных цветов» — в томе прозы (VIII, кн. 1, 435–439; черновой текст и варианты — VIII, кн. 2, 997–1001), текст последней прижизненной публикации (1835) — в виде приложения к поэме «Бахчисарайский фонтан» (IV, 175–176), наконец, беловой автограф — в томе переписки, как письмо Пушкина к А.А. Дельвигу (XIII, 250–252).

² *Винокур Г.О.* Из комментариев к Пушкину / Публ. О. Проскурина // *Временник Пушкинской комиссии.* Вып. 32. СПб., 2016. С. 47–48 (автограф: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 37). До этой публикации честь открытия «литературного» характера пушкинского письма неизменно приписывалась Д.Д. Благому.

³ *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. первая: 1813–1824. М.; Л., 1956. С. 480–481.

рассказывал о впечатлениях, легших в основу «Бахчисарайского фонтана». Это «письмо» можно было сделать потом предисловием к поэме — Пушкин любил этот прием и позднее хотел проделать то же с «Борисом Годуновым». Нужно думать, что он предназначал эту статью-письмо еще для первой книги «Цветов», когда Дельвигу тоже нужна была проза, — но не окончил к сроку⁴.

Не всё, однако, в этих заключениях — отличающихся в деталях, но сходных в основной идее — представляется достаточно убедительным.

Процитируем более полно фрагмент письма Дельвига Пушкину от 10 сентября 1824 г., который приводит Винокур: «Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобопропускаемой цензурой? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спрос: не вздумаешь ли ты дать мне стихов двадцать из “Евгения Онегина”?» (XIII, 108)⁵.

Ответ на это письмо не сохранился, но, судя по письму Дельвига от 28 сентября 1824 г., Пушкин откликнулся сразу. Он согласился дать для альманаха фрагмент из второй главы «Евгения Онегина», на что Дельвиг отвечал: «Благодарю за “Онегина”» (XIII, 110). Благодарностей за прозу (или за обещание прозы) Дельвиг не шлет, что и неудивительно: в сентябре 1824 г. Пушкин ничего не мог предложить издателю «Северных цветов»; крымское письмо отсутствовало даже в замысле.

Работу над ним ближайшим образом стимулировало знакомство Пушкина с книгой И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие в Тавриду в 1820 году» (1823). В письме к брату Льву, писанном в 10-х числах ноября⁶, Пушкин просил прислать в Михайловское несколько книг, среди прочего и «Путешествие по Тавриде Муравьева» (XIII, 118–119). О своей просьбе он напомнил в начале 20-х чисел ноября (XIII, 123).

Просьба прислать книгу Муравьева-Апостола последовала примерно через *два месяца* после запроса Дельвига. Винокур находил это обстоятельно «интересным»; вернее было бы назвать его настораживающим: оно во всяком случае свидетельствует, что Пушкин — вопреки мнению Винокура — не рассматривал сентябрьский запрос Дельвига как «заказ»,

⁴ Вацура В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 49. В сжатом виде повторено в позднейшем комментарии В. Вацура к «крымскому» письму: «Предназначалось для СЦ на 1825 г., однако опоздало и попало только в следующую книжку» (Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 387).

⁵ К тому времени Дельвигом уже были получены от Пушкина три стихотворения для альманаха: «Демон», «Песнь о Вещем Олеге» и «Прозерпина».

⁶ В Полном собрании сочинений письмо датируется 1–10 ноября 1824 г. (XIII, 250), что несколько противоречит ныне принятым датировкам событий из жизни Пушкина и его окружения: Лев Сергеевич покинул Михайловское около 5 ноября; письмо передано ему с сестрой Ольгой, которая выехала из Михайловского в столицу предположительно около 12 ноября.

иначе он бы, конечно, намного раньше озаботился получением книги, насущно необходимой ему для работы над крымским текстом.

Запрошенные книги прибыли в Михайловское в начале декабря 1824 г., как следует из письма Пушкина к Левушке от 4 декабря: «Мих.<айло> привез мне всё благополучно, а библии нет» (XIII, 127). Таким образом, Пушкин, судя по всему, получает возможность познакомиться с «Путешествием в Тавриду...» только на первой неделе декабря. Соответственно, приступить к работе над крымским письмом он мог не ранее декабря (что подтверждается положением черновика в тетради № 835).

Между тем «Северные цветы на 1825 год» начали печататься уже в сентябре. К исходу ноября, согласно планам издателя, альманах должен был быть готов к выходу. Об этих намерениях Пушкин хорошо знал: в письме к нему от 10 сентября (т.е. в том самом, в котором содержался вопрос о прозе и о «Евгении Онегине») Дельвиг сообщал: «Цветы мои печатаются. В первых числах декабря увидишь их» (XIII, 108). 28 сентября Дельвиг уведомлял, что работа над альманахом близится к концу: «Спешу скорее отделаться от Цветов, чтоб обнять тебя физически» (XIII, 110). Следовательно, в десятых числах ноября, когда Пушкин просил Левушку прислать «Путешествие по Тавриде...», он должен был предполагать, что альманах выйдет в самом скором времени. Так же считал и издатель: когда в начале ноября Николай Полевой прислал в «Северные Цветы» обещанную повесть, Дельвиг был вынужден ответить ему отказом — альманах уже был целиком собран и, видимо, в основном отпечатан. 10 ноября повесть Полевого, не поспевшую в альманах Дельвига, уже просил А.Ф. Воейков для редактировавшихся им «Новостей литературы»⁷.

Выход альманаха задержало петербургское наводнение, случившееся 7 ноября 1824 г.: вода проникла в типографию, и уже отпечатанный тираж «Северных Цветов» пришлось перепечатывать (по-видимому, частично; сколько-нибудь определенными сведениями на этот счет мы не располагаем). В письме Льву от начала 20-х чисел ноября Пушкин сожалел о случившейся неприятности, но вместе с тем выражал надежду все-таки увидеть Дельвига в Михайловском в скором будущем: «Жаль мне Цветов Дельвига; да надолго ли это его задержит в тине петербургской? [...] Торопи Дельвига [...]» (XIII, 122, 123). 4 декабря в приписке к письму, в котором сообщалось о прибытии в Михайловское заказанных книг, Пушкин повторяет: «Торопи Дельвига; надеюсь, что не претерпел он убытку» (XIII, 128). Это означает, что и в конце ноября, и в начале

⁷ См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 40, 256.

декабря (едва только получив «Путешествие по Тавриде...») и, по-видимому, еще не приступив к чтению) Пушкин был уверен, что подготовка тиража «Северных Цветов» в общем завершена и что Дельвига можно поторапливать. Он был недалек от истины: неделей позже, 12 декабря, «Санкт-Петербургские Ведомости» сообщали, что «Северные Цветы» «появятся в свет в последних числах нынешнего месяца»⁸. 20 декабря Пушкин уже просит брата поскорее прислать новую книжку альманаха в Михайловское (XIII, 131).

Всё изложенное заставляет признать ясную и на первый взгляд убедительную до очевидности картину событий, нарисованную Г.О. Винокуром, Б.В. Томашевским и В.Э. Вацуру, очень мало правдоподобной. Пушкин обратился к брату с просьбой прислать книгу Муравьева-Апостола в то время, когда выход «Северных цветов» ожидался с недели на неделю. Работа же над черновиком письма-статьи приходится на время, когда выход альманаха (а равно и приезд Дельвига в Михайловское) ожидался со дня на день.

Таким образом, непредвзятое сопоставление давно и хорошо известных фактов позволяет заключить, что Пушкин, приступив к сочинению крымского письма, *не откликнулся* на заказ Дельвига и *не предназначал* своего сочинения для «Северных Цветов на 1825 год»: в эту книжку альманаха он не мог успеть ни при каких обстоятельствах, что прекрасно понимал.

Еще более запутан вопрос с датировкой беловой версии письма, отправленной, как считается, Дельвигу для публикации в новом выпуске «Северных цветов».

Текст беловой рукописи «письма» в XIII томе Полного собрания сочинений⁹ датирован чрезвычайно широко: серединой декабря 1824 г. — первой половиной декабря 1825 г., т.е. временем от предполагаемого окончания работы над черновым текстом статьи до полного укомплектования «Северных Цветов на 1826 год»¹⁰. Такая датировка, в сущности, означала отказ от сколько-нибудь определенного ответа на вопрос о времени создания белового текста.

⁸ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. [Т.] I. М., 1951. С. 26.

⁹ XIII том был сдан в набор 8 августа 1936 г. Его готовил Д.Д. Благой, но многие важные вопросы, касающиеся датировки писем, обсуждались и решались коллегиально.

¹⁰ Поскольку текстологический комментарий в этом академическом издании по известным причинам отсутствует, об основаниях датировки можно только строить предположения. Альманах «Северные цветы на 1826 г.» был собран к январю; по ряду причин он получил цензурное разрешение только 25 февраля и вышел в свет 7 апреля 1826 г. См.: Сиявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Изд. 2-е, испр. М.: 1938. С. 38.; Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 72.

Два выдающихся пушкиниста — М.А. Цявловский и В.Э. Вацуро — попытались сузить и конкретизировать датировку академического издания: они отнесли создание белового текста, соответственно, к *началу* и к *концу* неопределенно длинного периода, обозначенного в Полном собрании сочинений.

М.А. Цявловский максимально приблизил время завершения беловика к предполагаемому времени работы Пушкина над черновиком. В «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» под датой «1824. Декабрь 10 ... 31» значится: «Письмо к Дельвигу в Петербург, заключающее в себе “отрывок из письма к Д.”»¹¹. Из этой датировки, между прочим, следует, что письмо определенно не могло предназначаться для «Северных цветов на 1825 г.», в этот период не только полностью подготовленных, но и вышедших из печати (Цявловский, однако, этого вывода не сделал). Эта датировка никак не проясняла и вопрос о том, зачем Пушкин послал «письмо» Дельвигу то ли в канун выхода альманаха, то ли сразу после его выхода, при этом с нетерпением ожидая приезда издателя в Михайловское.

В.Э. Вацуро (считавший, как мы помним, что Пушкин в альманахе «не поспел»), напротив, относил беловик «письма к Дельвигу» к декабрю 1825 г. Рассказав о пребывании Дельвига в Михайловском и упомянув начатое Пушкиным в конце 1824 г. крымское письмо, он заключал: «И теперь еще, в апреле 1825 года, письмо не было окончено; Пушкин прислал его только в декабре с припиской, из которой как будто следует, что речь о напечатании его уже шла: “начала в самом деле не нужно”»¹². К сожалению, В.Э. Вацуро (по условиям жанра) очень неясно мотивировал свое понимание хода работы Пушкина над текстом. Вероятно, логика его была примерно такой: авторская приписка, сопровождавшая беловик письма («в самом деле не нужно»), могла указывать на отголоски былых обсуждений (споров?), которые всего вероятнее могли происходить в апреле 1825 г., когда Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском. Значит, письмо написано после апреля. Но почему декабрь? Возможно, потому, что упоминаний о крымском письме — и вообще о какой бы то ни было пушкинской «прозе» — в сохранившейся переписке Пушкина с Дельвигом за 1825 г. не содержится. Дельвиг, с мая по сентябрь занятый почти исключительно предстоящей женитьбой, приступил к подготовке новой книжки альманаха только осенью. Сохранилось письмо Пушкина от конца октября или первой половины ноября с позволением напечатать

¹¹ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 543.

¹² Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 49. При публикации письма в двухтомной «Переписке Пушкина» Вацуро воспроизвел, однако, «широкую» датировку академического издания: декабрь 1824 — декабрь 1825 (возможно, в соответствии с издательскими требованиями).

в альманахе новый фрагмент из «Евгения Онегина» (XIII, 241). О «прозе» и в этом письме нет речи; следовательно, *можно предположить*, что Пушкин обсуждал с Дельвигом вопрос о прозе после этого письма, а уже потом прислал ему готовый текст. Какие-либо дополнительные аргументы в пользу декабря подыскать трудно.

В 1980–1990-е гг. вопросом о происхождении, назначении и судьбе «письма» занялась Я.Л. Левкович. По ее предположению, дошедший до нас беловик — не первая, а уже *вторая* беловая версия пушкинского письма: «Просьба не выпускать письма из рук, пока оно не будет переписано, может значить, что однажды текст письма был утерян Дельвигом, т.е. что Пушкин уже посылал его в Петербург (или отдал в руки самому Дельвигу)»¹³. Представления исследовательницы о времени создания сохранившегося (в ее интерпретации — «второго») беловика нашли отражение во втором издании «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» М. Цявловского, вышедшей под редакцией Я. Левкович в 1991 г. Левкович пересмотрела и изменила датировку, содержащуюся в первом издании книги Цявловского: теперь к декабрю 1824 г. («Декабрь, 4... 10») был отнесен только *черновик* письма, *беловик* же датировался временем с мая (Левкович, по-видимому, приняла предположение Вацура о том, что «в самом деле не нужно» — это отголосок апрельских разговоров в Михайловском) до декабря 1825 г.¹⁴ Впрочем, так и осталось неясным, когда же Пушкин послал письмо Дельвигу «в первый раз» и когда легкомысленный Дельвиг его потерял¹⁵.

Последние уточнения к творческой истории «письма» сделаны в статье Н.Г. Охотина и А.И. Роговой в «Пушкинской энциклопедии». Авторы в общем принимают традиционную версию, связывающую начало работы над текстом с намерением поместить его в альманах «Северные цветы на 1825 год»: согласно статье, Пушкин начал работу над очерком в декабре, но «не успевал отделать и отослать его к сроку». «[П]оэтому, — продолжают авторы, — работа над очерком была отложена и завершена, вероятно, во время пребывания Дельвига в Михайловском (конец апреля — начало июня 1825 года): в беловом автографе

¹³ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 252, 253.

¹⁴ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Я.Л. Левкович. Л., 1991. С. 481.

¹⁵ Следует заметить, что догадки исследовательницы о легкомысленно утерянном первом письме опираются не столько на историческую личность Дельвига (успешного литературного предпринимателя, ведущего свое дело вполне рационально), сколько на образ лирического субъекта его поэзии — беззаботного и беспечного «ленивца».

видны следы обсуждения текста с его будущим издателем»¹⁶. Беловой автограф соавторы датируют «предположительно концом апреля (после 24–25-го) — началом июня 1825 г. (верхняя граница устанавливается по времени отъезда Дельвига из Михайловского, нижняя — по бумаге, которая использовалась Пушкиным для писем этого периода)»¹⁷. Уточнение нижней хронологической границы на основании палеографических особенностей рукописи представляется чрезвычайно важным и продуктивным. По условиям энциклопедического жанра соавторы могли коснуться этого вопроса лишь в общем виде; нам предоставится возможность остановиться на нем подробнее.

Но и после итоговой во многих отношениях статьи Н.Г. Охотина и А.И. Роговой важные вопросы, связанные с т.н. «Отрывком из письма Д.», остаются не разрешенными до конца.

Почему осенью 1824 г. Пушкин вдруг пожелал прочесть «Путешествие по Тавриде в 1820 году»?

Исследователи настолько привыкли к неразрывной связи пушкинского письма с «Путешествием по Тавриде...» Муравьева-Апостола, что практически не задаются вопросом: почему в 10-х числа ноября Пушкин вдруг запросил у совсем недавно приехавшего в Петербург брата эту книгу, скорее всего еще не зная, что он вообще будет писать о Крыме, и уж совершенно точно не зная, что всё его письмо будет построено как диалог-полемика с Муравьевым?

Неожиданная помощь в ответе на этот вопрос приходит со стороны поэзии. В тетради 835 на л. 38 содержатся наброски трех пушкинских стихотворений, окрашенных «крымским» колоритом: «Пока супруг тебя, красавицу младую...», «Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Виноград». Первое не было закончено и осталось в рукописи, два последних будут опубликованы в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1826) с мистифицирующей датировкой: 1820 г. С.А. Фомичев, посвятивший описанию и интерпретации материалов из тетради 835 специальную статью, совершенно справедливо отметил явную перекличку стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца» («Хвалу стране прочел я дальней, / Но о Зареме ты молчал») с муравьевским «Путешествием по Тавриде...»: «В книге Муравьева-Апостола приводится перевод “любопытной

¹⁶ Вероятно, в ходе редакционной подготовки в формулировку вкралась двусмысленность: если «конец апреля — начало июня 1825 года», то «после пребывания Дельвига в Михайловском».

¹⁷ Охотин Н.Г., Рогова А.И. «Отрывок из письма к Д.» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л — О. СПб., 2017. С. 591, 594.

надписи” над фонтаном (она опущена в отрывке из книги, приложенном ко второму изданию поэмы “Бахчисарайский фонтан”)...»¹⁸ По положению в тетради, заполнявшейся в ту пору в общем последовательно, в хронологическом порядке, стихотворения (в частности «Фонтану...») должны датироваться ноябрем 1824 г. Из сопоставления наличных фактов С.А. Фомичев сделал вывод: «Вероятно, к концу ноября эта книга (“Путешествие по Тавриде...” — *О.П.*) была уже получена и откликом на нее послужило третье, центральное четверостишие»¹⁹.

Пушкин, как мы помним, сообщил о получении посылки из Петербурга 4-го декабря. Фомичев, таким образом, предполагает, что книги пришли в Михайловское существенно раньше, а Пушкин по каким-то причинам сообщил брату об их получении с большим запозданием: к концу ноября он не только прочитал «Путешествие по Тавриде...», но и создал стихи, навеянные этим чтением.

Однако из положения стихотворений в тетради и их соотношения с другими текстами в ней следует, что они написаны не в конце, а в *начале* ноября, не только до получения книги Муравьева-Апостола, но и до отправки запроса о ней брату: наброски стихотворений на л. 38 появляются сразу за черновиком письма к Жуковскому от 31 октября 1824 г. (л. 36 об.–37)²⁰. В недавней статье А.Ю. Балакин обратил внимание еще на одну деталь рукописи, противоречащую хронологическим выкладкам С. Фомичева: «на л. 39 об. (т.е. через полторы страницы от стихов. — *О.П.*) находится список вещей (“карты / Пугачев / allumetes”), о присылке которых Пушкин просил брата в упомянутом выше письме (т.е. письме от 10-х чисел ноября. — *О.П.*). Следовательно, черновики названных стихотворений появились в тетради не позднее 10-х чисел ноября; после отправки письма в этой записи не было бы никакого смысла»²¹.

В той же статье А. Балакин остроумно и убедительно разъяснил связь между стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» и со-

¹⁸ *Фомичев С.А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 58. В изложение С.А. Фомичева вкралась неточность: отрывок из книги Муравьева-Апостола был приложен уже к *первому* изданию «Бахчисарайского фонтана».

¹⁹ Там же.

²⁰ За крымскими стихами идут черновик и беловик двух стихотворений из «Подражаний Корану»: «Торгуя совестью...» (38 об.), «И путник усталый на бога роптал...» (л. 39–39 об.) — видимо, к ним относится сообщение в письме Льву, писанном, судя по всему, в десятых числах ноября: «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать» (XIII, 119). Лишь на л. 40 находится черновик письма к Вяземскому от 29 ноября 1824 г., а на л. 42 об. начинается черновик крымского письма.

²¹ *Балакин А.Ю.* А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 30; то же: *Балакин А.* Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 42.

держанием книги Муравьева-Апостола. Он обратил внимание на то, что летом 1824 г. сразу два журнала — «Отечественные записки» и «Новости литературы» — в откликах-рецензиях на «Путешествие по Тавриде» привели большие выдержки из муравьевской книги, в частности из «бахчисарайской» главы, в которой содержится описание фонтана и надписи²². Балакин резюмирует: «Знакомство Пушкина с этими журнальными перепечатками из “Путешествия по Тавриде” весьма вероятно, и нельзя исключать, что оно могло актуализировать крымские воспоминания поэта»²³.

Эти наблюдения не только удовлетворительно объясняют появление стихов, наполненных «крымскими» реалиями, до того, как Пушкин прочел «Путешествие по Тавриде...»²⁴, но и помогают понять, почему у Пуш-

²² В. О нововышедшей книге: Путешествие по Тавриде, соч. И.М. Муравьева-Апостола // Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 20. С. 116–126 (ценз. разрешение 3 июня); окончание — № 21. С. 129–140; Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51, июль. С. 75–100; текст выписки: С. 84–100 (выход в свет 20–25 июня).

²³ Балакин А.Ю. А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола. С. 30; Балакин А. Близко к тексту. С. 42. Автор считает более вероятным, что для Пушкина источником сведений стали «Отечественные записки». Мы склонны думать, что это скорее «Новости литературы», издатель которых А.Ф. Воейков, в ту пору искавший (и скоро добившийся) сотрудничества Пушкина, наверняка стал присылать в Михайловское номера своего журнала, в том числе и вышедшие ранее, накануне приезда Пушкина. В библиотеке Пушкина сохранились четыре разрозненные книжки «Новостей литературы» за 1825–1826 г. (*Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. IX–X. С. 129). Комплект «Отечественных записок» за 1820–1830 г. (сохранился не полностью) был приобретен Пушкиным позже (Там же. С. 129–130). Впрочем, применительно к нашему сюжету вопрос об источнике знакомства Пушкина с неизвестными ему прежде «бахчисарайскими» страницами книги Муравьева-Апостола, сам по себе незначительный, не имеет принципиального значения.

²⁴ Незаконченное стихотворение «Пока супруг тебя, красавицу младую...», расположенное на том же л. 38, С. Фомичев отнес к тому же времени, что и «Фонтану Бахчисарайского дворца», — к ноябрю 1824 г., однако стихотворение «Виноград», набросанное карандашом (в сопровождении выразительной графической иллюстрации) непосредственно под стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» (л. 38), и стихотворение «О дева-роза, я в оковах...», записанное на одном из предыдущих листов (л. 35), Фомичев отнес к марту — маю 1825 г. на том основании, что они вошли в рукопись, переданную в цензуру в мае, но не числятся в перечне стихов (для готовящегося издания) в Капнистовской тетради, отосланной Пушкиным в Петербург 15 марта 1825 г. (*Фомичев С.А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835. С. 58, 63). Однако в этот перечень не вошло и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», уверенно отнесенное Фомичевым к ноябрю 1824 г. Отсутствие в первоначальном перечне этих стихотворений, по-видимому, означает, что Пушкин, начав писать их в ноябре 1824 г. («О дева-роза, я в оковах...»), судя по расположению в тетради, еще в октябре), окончательно отделал их уже после отправки Капнистовской тетради в Петербург. Все эти тексты в «Стихотворениях Александра Пушкина» будут датированы 1820 г. По мнению Фомичева, эта датировка «свидетельствует, конечно, не о времени создания произведения, а о жизненных впечатлениях, в нем отразившихся». Правильнее видеть в этой датировке целенаправленную творческую мистификацию Пушкина.

кина возникло желание прочесть книгу Муравьева-Апостола целиком: если даже отрывки из нее, приведенные в журнальной рецензии, смогли пробудить поэтическое вдохновение, то не следует ли ожидать большего от знакомства с оригиналом?.. Не исключено, разумеется, и то, что в процессе чтения журнальных фрагментов в сознании Пушкина могли вырисовываться и предварительные контуры прозаического крымского замысла... Впрочем, каковы бы ни были творческие намерения и побуждения Пушкина, чтение книги Муравьева-Апостола оказалось важным и продуктивным не для Пушкина-поэта, а для Пушкина-прозаика.

«...кажется я писал тебе»

Едва прочитав книгу Муравьева-Апостола, Пушкин сразу садится набрасывать в рабочей тетради отклик на нее в форме письма.

Травелог в эпистолярной форме в России стал популярным после «Писем русского путешественника» Карамзина. В виде писем к друзьям было оформлено и «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола. Эпистолярная форма давала широкие возможности перемежать «этнографический» материал «биографическим», соединить описание впечатлений от внешнего мира с рассказом о жизни души. Именно поэтому жанр выдвинулся на первый план в сентиментальную эпоху и не умер (хотя и модифицировался) в эпоху романтическую, с их особым вниманием к личности автора.

По сравнению с образом автора-рассказчика образ адресата выполнял в эпистолярной скорее вспомогательную функцию. Иногда адресат являл собою чистую, неприкрытую фикцию, откровенную жанровую условность; иногда же приобретал более определенные личностные черты, заставлял соотносить литературного адресата с реальным лицом. Адресат пушкинского письма (особенно в том виде, в каком он явлен в черновике и в первом, направленном слое беловика) ближе к последнему типу.

Я.Л. Левкович, характеризуя первый слой беловика пушкинского текста, уверенно заключает: «адресат (причем адресат не “предполагаемый”, а вполне конкретный — друг Пушкина и издатель “Северных цветов” Дельвиг) появляется уже в первом абзаце»²⁵. Это заключение как будто не должно вызывать никаких возражений. Кому еще может быть адресовано письмо, адресат которого в печати обозначен как «Д.»?..

Иногда, однако, исследователю полезно взглянуть на «очевидное» свежим и непредвзятым взором, «проблематизировать» его — и тогда

²⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 252.

в очевидном может неожиданно обнаружиться содержание, требующее нового осмысления. В частности, и в черновой, и в первой белой редакции адресат «письма» предстает как лицо, прекрасно осведомленное в таких деталях биографии автора, о которых Дельвиг не знал. Так, адресату известно, что Пушкин только недавно получил возможность познакомиться с книгой Муравьева-Апостола и только что прочел ее. Это позволяет автору начать рассказ о крымских «впечатлениях» без каких-либо предисловий: «*Путешествие по Тавриде* прочел я с чрезвычайным удовольствием». О том, что Пушкин недавно получил и недавно прочел «*Путешествие по Тавриде...*», в декабре 1824 и в начале 1825 г. было известно только одному человеку. Это был не барон Дельвиг, а брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, который и прислал эту книгу в Михайловское. Письмо — своего рода творческий отчет о прочитанном.

Тому, что набрасывавшееся в тетради № 835 «крымское» письмо адресовалось Льву Сергеевичу, есть вполне недвусмысленное подтверждение в его черновом тексте. В первом абзаце после фразы «Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений» первоначально стояла точка с запятой; далее следовало: «кажется я писал тебе из К--<ишинева> о Кавказе и Тавриде — как говорится с горяча — если письмо мое сохранилось дост...²⁶ Жалею...»²⁷ Пушкин сразу заменил «кажется» на «помнится», затем густо зачеркнул исправление, вписал между строк «сколько упомяну», а потом зачеркнул и весь пассаж, продолжив: «Посуди сам». Дальнейший черновой текст в общем соответствует тексту беловика.

Этот черновой вариант не является тайной ни для исследователей, ни для читателей: он опубликован в ряде пушкинских изданий, в том числе в Большом академическом Полном собрании сочинений (правда, в разделе «Другие редакции и варианты», причем не в основном тексте, а в подстрочной сноске). Однако до последнего времени он не привлекал к себе внимания и не получил сколько-нибудь внятных истолкований²⁸.

Между тем известно только *одно* пушкинское «письмо о Кавказе и Тавриде», написанное из Кишинева. Это письмо Льву Сергеевичу Пушкину от 24 сентября 1820 г., содержащее рассказ о путешествии автора с семейством Раевских по Кавказу и Крыму (XIII, 17–20). Письмо

²⁶ Слово не дописано; в Полном собрании сочинений предположительно прочитано как *дост<авь>* (VIII, кн 2. С. 998, примеч. 10); более вероятным, однако, представляется чтение *дост<ань>*: Пушкин предлагает корреспонденту сравнить два текста, а не переслать старое письмо.

²⁷ ПД 835. Л. 42 об. (ср. VIII, кн 2. С. 998, примеч. 10)

²⁸ Даже в комментированном издании писем Пушкина под редакцией Б.Л. Модзалевского, где вычеркнутые строки воспроизведены в *основном корпусе*, они никак не объяснены.

Левушке завершалось так: «Прости. Обними же за меня Кюхе<ль>б<е-кера> и Дельв.<ига>» (XIII, 20). Эта концовка позволяет уверенно заключить, что Дельвигу (как и Кюхельбекеру) Пушкин о своих южных приключениях отдельно не писал и писать не собирался: зная характер и привычки брата, он рассчитывал на то, что тот незамедлительно познакомит с полученным письмом обоих друзей поэта.

Лишь Н.Н. Петрунина, насколько нам известно, обратила внимание на зачеркнутую фразу в черновике пушкинского «письма» и сделала в общем правильный, хотя и очень осторожно сформулированный вывод (к сожалению, также изложенный не в основном тексте, а в подстрочном примечании): «Ранний слой черного автографа [...] позволяет [...] думать, что поначалу образ адресата письма (будь он реальный или литературный) не только рисовался с большей определенностью, но и соотносился в сознании автора с Л.С. Пушкиным»²⁹. Вместе с тем исследовательница считает, что адресат утратил конкретные черты и превратился в литературную фикцию еще на самой ранней стадии работы: «...Пушкин устранил из черного текста всё, позволявшее видеть в нем письмо, адресованное определенному лицу, Л.С. Пушкину»³⁰.

Между тем у нас есть достаточно оснований полагать, что адресат письма «соотносился в сознании автора с Л.С. Пушкиным» не только на начальной стадии работы, но и в то время, когда А.С. Пушкин завершал свой текст, переписывал его набело и отправлял в Петербург.

«...даже и друзьям моим»

Отправленное в столицу письмо, как мы помним, сопровождалось припиской-инструкцией. Сейчас нас будет занимать ее начало: «Пожалуйста не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав у же)» (XIII, 252).

Я.Л. Левкович увидела в этом требовании «просьбу не выпускать письма из рук, пока оно не будет переписано» (из этого толкования и родилась экстравагантная версия с потерянным письмом). Между тем «не показывай» не означает «не выпускай из рук». Это требование означает: «не давай никому читать». Пушкин опасался не того, что «письмо»

²⁹ Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: пути эволюции. Л., 1987. С. 38 (примеч. 53). Это наблюдение, кажется, заставило исследовательницу усомниться и в том, что и в окончательной редакции текст превратился в «письмо к Дельвигу». Но свои сомнения Н. Петрунина высказала не очень ясно, только в связи с включением «письма» в эпистолярный том Полного собрания сочинений: «кому бы ни отправлял Пушкин белой автограф отрывка в 1825 г., его получателю была адресована лишь приписка, сопровождавшая предназначенный для печати текст» (Там же. С. 44).

³⁰ Там же. С. 44.

потеряется (или его украдут), а того, что содержание его станет известно до публикации³¹.

Пушкин не раз обращался к своим корреспондентам с подобными просьбами — сохранять в тайне от посторонних глаз содержание пересылаемых сочинений. Такие просьбы обычно появлялись у него в двух случаях: когда текст по тем или иным соображениям не предназначался для широкого распространения³² или когда распространение текста в рукописи могло повредить его успеху в печати³³. По отношению к «крымскому письму» первая причина может быть исключена сразу: письмо предназначалось не для циркуляции в узком кружке посвященных, а для обнародования в печати. Столь же невероятна и вторая причина: издатель «Северных цветов» более других был заинтересован в том, чтобы сочинение, предназначенное для его альманаха (и, следовательно, призванное содействовать его коммерческому успеху), не стало известно до публикации³⁴.

Иначе говоря, с какой точки зрения ни посмотреть на наложенный запрет, выглядит он весьма загадочно. Ощущение загадочности усугубляется тем, что Пушкин требует от адресата не показывать письмо «даже друзьям моим». На основании эпистолярных, дневниковых и прочих документальных данных можно довольно точно установить, с кем из друзей Пушкина (понимая эту дефиницию достаточно широко) Дельвиг общался в пору подготовки «Северных цветов на 1826 год». Это В.А. Жуковский, Е.А. Боратынский, П.А. Плетнев, Н.И. Гнедич, И.И. Козлов, В.К. Кюхельбекер, П.А. Вяземский (дважды проезжавший через столицу). С этими друзьями Пушкин в первые месяцы 1825 г. щедро делится разнообразными плодами своего творчества — не предназначенными для печати рукописными эпиграммами (см. письмо

³¹ Уступительная конструкция «разве переписав уже», по-видимому, означает, что, снисходя к желаниям адресата, Пушкин позволяет показывать письмо только после изготовления цензурной копии, т.е. в самый канун отправки текста в печать.

³² Так, сообщая в письме Вяземскому от 25 января 1825 г. эпиграмму на Федора Глинку («Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...»), Пушкин добавлял: «Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны» (XIII, 137).

³³ Просьбы, обусловленные этой причиной, начали появляться в письмах Пушкина с 1824 г. когда стихи стали приносить не только литературную славу, но и материальный доход. Особенно много их в 1825 г. См., например, письмо Вяземскому от 20-х чисел апреля 1825 г.: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного). За разг.-овор> с няней [и письмо Тани] без письма брат получил 600 р. — ты видишь, что это деньги, следств. должно держать их под ключом» (XIII, 165).

³⁴ Факты свидетельствуют, что Дельвиг не нуждался в подобных предупреждениях. В. Вацуро отметил, что отрывки из второй главы «Евгения Онегина», присланные Пушкиным в конце сентября 1824 г. (в ответ на запрос Дельвига) для альманаха на 1825 г., Дельвиг держал в секрете до самой публикации. См.: Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 34.

Вяземскому от 25 января), неопубликованными отрывками из «Цыган», неопубликованной главой «Евгения Онегина»; он даже обсуждает с ними свою опасную политическую поэзию (разъясняя смысл «Кинжала» в письме Жуковскому от 20-х чисел апреля 1825 г.), не говоря уже о том, что в руках Плетнева к весне 1825 г. сосредоточились вообще все поэтические тексты — как опубликованные, так и неопубликованные, — предназначенные для готовившегося издания «Стихотворений». Почему же от этих друзей требовалось скрывать крымское «письмо»? Чем оно отличалось от других пушкинских сочинений?..

Удовлетворительно разрешить возникшую загадку нам поможет анализ самой дефиниции *друзья*, использованной Пушкиным в приписке к письму.

В конце февраля 1825 г. Пушкин отвечал на недоуменные вопросы брата из не дошедшего до нас письма: «Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? потому что он мне друг. Есть у меня еще друзья: Сабуров Яшка, Муханов, Давыдов и проч. Эти друзья не в пример хуже Б.<улгарина>. Они на днях меня зарежут — покамест я почтенному Фаддею Венедиктовичу послал 2 отрывка из Онегина, которых нет ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будет... а кто виноват? всё друзья, всё треклятые друзья». И дальше: «Кланяйся моему другу Воейкову» (XIII, 146).

В этом письме *шесть раз* упомянуты «друзья», и каждый раз в очень специфическом контексте и в особом эмоционально-смысловом ореоле («Они на днях меня зарежут»; «друзья не в пример хуже Б.»; «треклятые друзья»). Что же это за друзья? Чем вызван сарказм Пушкина?.. Сейчас не все намеки февральского письма вполне ясны, даже не все из упомянутых «друзей» поддаются точной идентификации (в частности, не до конца ясно, какой именно из знакомых Пушкину Давыдовых имеется в виду; кандидатура Дениса Давыдова считается наиболее вероятной, однако не единственной), но всё же большинство лиц, как и большинство поводов к их упоминанию, можно идентифицировать и объяснить.

«Друг» Муханов — это адъютант генерала Н.Н. Раевского, член Союза благоденствия и Северного общества (осужденный впоследствии на 12 лет каторги) Петр Александрович Муханов, в 1823 — начале 1824 г. общавшийся с Пушкиным в Одессе, где тот читал ему «Евгения Онегина». Десять стихов из «Онегина» (ст. 5–14 XX строфы 1-й главы) Муханов сообщил Ф.В. Булгарину, который и напечатал их в № 4 «Литературных листков» за 1824 г. (номер вышел 3 марта 1824 г.³⁵) с указанием, что стихи

35 *Могиланский А.П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 394.

получены из Киева от «одного просвещенного любителя словесности». Публикация не была санкционирована Пушкиным и появилась до того, как он завершил обработку первой главы «Евгения Онегина» для печати.

Через некоторое время в руках Муханова оказалось и начало поэмы «Цыганы». В № 15 «Северной пчелы» за 1825 г. (от 3 февраля), в статье «Петербургские Записки. Письмо в Москву к Петру Александровичу Мух—ву», появившейся за подписью «Д.Р.К.» (по всей вероятности, того же Ф. Булгарина), между прочим сообщалось: «Некоторые друзья А.С. Пушкина имеют у себя отрывки из сочиняемой им Поэмы *Цыгане*. Я не читал их, но один просвещенный любитель Словесности уверял меня, что эта Поэма будет выше всего того, что доньше написал Пушкин, следовательно — возможное совершенство».

Скорее всего, Булгарин излагал сведения о «Цыганах», восходящие к А. Бестужеву и К. Рылееву (Пушкин передал отрывок из поэмы для публикации в их «Полярную звезду»): оценка поэмы, данная от лица «одного просвещенного любителя словесности», практически *дословно совпадает* с характеристикой «Цыган» в письме Бестужева к В. Туманскому от 15 января 1825 г.: «Это выше всего, что он писал доселе»³⁶. Но, по всей видимости, Пушкин заподозрил в распространении текста самого Муханова — адресата письма, а в заявлении Д.Р.К. усмотрел обычную болгаринскую мистификацию, тем более что формулировка «один просвещенный любитель словесности» дословно повторяла характеристику Муханова в «Литературных листках». Во всяком случае, 19 февраля раздраженный Пушкин, которому «Северную пчелу» присылали в Михайловское сами издатели, писал Вяземскому: «Скажи от меня Муханову (в ту пору находившемуся в Москве. — *О.П.*), что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало Цыганов и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь моя, ведь это деньги! теперь я должен и Цыганов распечатать, а вовсе не во-время» (ХІІІ, 144). Слова насчет «крови» были метафорой и гиперболой, слова о деньгах — жизненной правдой: начало «Цыганов», как уже упоминалось, было запродано в «Полярную звезду».

Факт несанкционированного распространения новой поэмы приобретал особый оттенок в свете недавнего скандала, связанного с еще одним «другом» Пушкина, упомянутым в том же письме Левушке, — А.Ф. Воейковым. В издаваемых им «Новостях литературы» (1824. Кн. 9, июль. С. 12–13; вышла со значительным запозданием: ц.р. — 20 августа,

³⁶ Н.Ш. [Шугуров Н.В.]. Туманский и Мицкевич // Киевская старина. 1899. Март. С. 300.

фактический выход — 3 сентября³⁷) появилась статья издателя «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды...», куда вошел большой отрывок (первые 35 стихов) из поэмы «Братья разбойники», проданной Пушкиным в «Полярную звезду». Рылеев и Бестужев, издатели альманаха, 15 сентября отправили Воейкову гневное письмо, в котором сообщили, что порывают с ним всякие отношения³⁸; копию письма Бестужев 20 сентября переслал Вяземскому с жалобой на интриги Воейкова³⁹. Дружественный издателям Булгарин «поспешил объявить печатно, что Воейков напечатал стихи, предназначенные в “Полярную звезду”»⁴⁰. 3 ноября 1824 г. Бестужев спрашивал Вяземского: «Советуете ли Вы напечатать “Разбойников” или нет? Я в сомнении, ибо Воейков подвел нас»⁴¹. «Разбойники» в итоге всё же увидели свет на страницах «Полярной звезды», но Пушкину пришлось пережить немало неприятных минут.

Наконец, еще один друг — Яков Иванович Сабуров, знакомец Пушкина и близкий приятель Льва, — оказался причастен к распространению каких-то не предназначенных для публики (и, возможно, не вполне достоверных) сведений о Пушкине⁴². Слухи о «нескромности» Сабурова скоро дошли и до Михайловского. Еще в начале 20-х чисел ноября 1824 г. Пушкин писал Левушке: «Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усовести его» (XIII, 123). Примерно тогда же Пушкин набрасывает черновик незаконченного стихотворного послания Сабурову («Сабуров, ты оклеветал / Мои гусарские затеи...»; П-1, 350), который по содержанию и расположению в тетради (ПД № 835. Л. 35 об.) датируется концом октября — началом ноября 1824 г. Несколько месяцев спустя, в письме Льву от 22–23 апреля 1825 г., Пушкин повторит свое требование: «Если Сабуров не уехал еще в Одессу⁴³, то попроси его обо мне там ничего не врать. Жалею, что не могу быть уверену и в твоей молчаливости» (XIII, 163).

³⁷ *Могилянский А.П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина». С. 394; в тексте явная опечатка: 3 ноября.

³⁸ Письмо издателей «Полярной звезды» к А.Ф. Воейкову / Публ. Н.И. Мордовченко // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. [Вып.] 1. М.; Л., 1938. С. 422.

³⁹ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) / Публ. и коммент. К.П. Богаевской // Литературное наследство. Т. 60: Кн. 1. Декабристы-литераторы. П. М., 1956. С. 223.

⁴⁰ *Вацуро В.Э.* «Северные цветы». С. 31

⁴¹ Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому. С. 226.

⁴² О завидной осведомленности Сабурова в обстоятельствах биографии молодого Пушкина свидетельствуют, между прочим, записи, сделанные с его слов П.В. Анненковым в начале 1850-х гг. См.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин и его современники. СПб., 1999. С. 480–481.

⁴³ Сабуров получил назначение чиновником при Воронцове; сюжет обсуждался еще летом; см. письмо Вяземского Пушкину из Ревеля от 4 августа 1825 г. (XIII, 201).

Почему же Пушкин называет всех этих лиц «друзьями» и какой смысл вкладывает в эту характеристику?.. Ближайшим образом выражение «мои друзья» отсылало, по-видимому, к заметке Д.Р.К. (Булгарина) в недавнем номере «Северной пчелы» от 3 февраля 1825 г. («Некоторые друзья А.С. Пушкина имеют у себя отрывки из сочиняемой им Поэмы “Цыгане”»), заставившей Пушкина обрушиться на Муханова. Вполне возможно вместе с тем, что слово «друзья» было неосторожно употреблено Львом Сергеевичем в порядке самооправдания (мол, если и даю читать и списывать, то только друзьям), что и стимулировало пушкинский сарказм⁴⁴.

За этими смысловыми пластами просвечивал еще один план, также связанный с несанкционированным распространением рукописей. В конце января или начале февраля 1824 г. Пушкин писал Левушке из Одессы: «Плетнев пишет мне, что Бахч.<исарайский> Фонт.<ан> у всех в руках. Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи...» (XIII, 86). Как следует из саркастической характеристики Воейкова, тема *друзей* обнаруживает здесь связь с популярным выражением «знаменитые друзья».

В 1821 г., в редакционном примечании к стихотворению П.А. Вяземского «Песня», опубликованному в «Сыне отечества» (Воейков редактировал журнал в 1820–21 гг. по договору с Н.И. Гречем), появилась информация: «Наши знаменитые друзья, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, обогащают, по своему обещанию, наш журнал превосходными своими стихотворениями»⁴⁵. Это хвастливое сообщение вызвало непредвиденный эффект: выражение «знаменитые друзья» сразу же превратилось в своеобразный «мем» 1820-х гг. (ср. письмо М.Н. Загоскина к Н.И. Гнедичу от 2 мая 1821 г.: «Выражение “знаменитые друзья” насмешило всю Москву»⁴⁶), переходило из уст в уста, активно использовалось в журнальных полемиках и эпиграмматических войнах; оно прочно врезалось в память современников и помнилось многие

⁴⁴ Ср. в письме Левушке от 1 апреля 1824 г., в связи с распространением списков «Бахчисарайского фонтана»: «Таким образом обязан я за всё про всё — друзьям *моей славы* — чорт их возьми и с нею; тут смотри как бы с голоду не околеть, а они кричат *слава!*» (XIII, 90). По всей вероятности, курсивное выделение — цитата из не дошедшего до нас письма Л.С. Пушкина.

⁴⁵ Сын отечества. 1821. № 13. С. 277.

⁴⁶ Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. С. Панова и А. Пескова. М., 1987. С. 703.

десятилетия после своего возникновения⁴⁷. Отголоски полемического шума вокруг «знаменитых друзей», бесспорно, слышатся в пушкинском письме от февраля 1824 г., где образ, примененный к самому Воейкову, заиграл новыми красками. Эти отголоски, по-видимому, слышны и в февральском письме 1825 г.

Итак, анализ мотива «друзей» в письмах Пушкина брату позволяет заключить, что выражение «мои друзья» не имеет отношения ни к Жуковскому, ни к Плетневу, ни к Кюхельбекеру. Это выражение использовано в нем не в буквальном, а в ироническом значении и подразумевает «друзей» совершенно особого рода⁴⁸. Все поименованные (и подразумеваемые) «друзья» — это лица, виновные в несанкционированном распространении сочинений Пушкина либо в передаче информации, наносящей ущерб его интересам.

Друзья и брат

В письмах Левушке саркастические выпады против «друзей» приобретали и дополнительный смысл, прекрасно понятный адресату: они метили... в него самого.

Лев Сергеевич имел роковую страсть знакомить публику с еще не изданными сочинениями брата: он читал их публично (как правило, неоднократно), позволял списывать, а иногда и сам изготовлял копии для желающих. Пушкин называл эту страсть «чтениебесием», а произведенные ею последствия — «пакостями» (см письмо Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г. — XIII, 157). Эта страсть приводила к тому, что многие пушкинские сочинения еще до появления в печати широко расходились в публике. Так случилось уже с «Бахчисарайским фонтаном» (ср. приведенное выше письмо Льву от января — начала февраля 1824 г.), но особенно впечатляющих масштабов активность Левушки-чтеца достиг-

⁴⁷ См.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934. С. 153–154.

⁴⁸ Ирония эта, как правило, не распознается биографами Пушкина. См, напр.: «Пушкин упоминает М. <уханова> в письмах к П.А. Вяземскому от 19 февр. и 15 сент. 1825 и к Л.С. Пушкину от конца февр. 1825, причисляя его к своим друзьям» (*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 278). Иногда буквальное чтение письма приводило к курьезным толкованиям — в нем видели чуть ли не свидетельство неразборчивости Пушкина в связях: «Легкомыслие, между прочим, способствовало возникновению легкости контактов. [...] в результате среди его друзей мы находим даже Фаддея Булгарина»; далее — ссылка на февральское письмо Пушкина брату: «Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? Потому что он мне друг» (*Могилянский А.П.* Личность Пушкина. СПб., 1995. С. 15). Нам известен единственный автор, который отметил (и тонко обыграл) иронический характер пушкинского письма, см: *Кац Б.А.* Одиннадцать вопросов к Пушкину. СПб., 2008. С. 52.

ла в связи с «Цыганами». 17 ноября 1824 г. он читает поэму у Карамзина (в присутствии Д. Северина и К. Сербиновича), 1 декабря — там же повторно, в январе 1825 г. — у И.М. Муравьева-Апостола (того самого, автора «Путешествия по Тавриде...»), и тоже дважды: 9-го (среди слушателей — И.И. Козлов и Н.И. Гнедич) и 23-го, а 29 января — на дне рождения Жуковского⁴⁹.

Сведения об исполнительской активности Левушки доходят до Пушкина и вызывают у него ожидаемую реакцию. В конце января 1825 г. он пишет А. Бестужеву: «Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать — принужден ее напечатать, пока не растаскают ее по клочкам» (XIII, 137–138). В самом конце января — начале февраля Пушкин пишет уже самому Левушке, используя красноречивую фигуру умолчания: «Я с тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинам: 1) потому что это было бы напрасно..... Цыганов, нечего делать, перепишу и пришлю к вам, а вы их тисните» (XIII, 142). А уже в следующем февральском письме появляется пассаж о «треклятых друзьях» с откровенными намеками-упреками, задевающими адресата. Левушка был вынужден несколько умерить свою активность. 26 февраля 1825 г. А.И. Тургенев писал Вяземскому: «Два раза уже слышал “Цыган” Пушкина и два раза восхищался ими. Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение. С брата, который читает их наизусть, взял автор честное слово, что он списывать ни для кого не будет; иначе бы я тебя побаловал и прислал бы тебе “Цыган” его вместо крепкого бульона на тощий, если уже не больной, желудок»⁵⁰. Однако исполнительский пыл Льва Сергеевича не остыл и после очередного «честного слова»: уже в апреле он читает «Цыганов» на вечере у Плетнева, в присутствии Кюхельбекера и Рылеева⁵¹.

Итак, словцо *друзья*, отсылающее к очень определенному контексту (несанкционированное распространение рукописных сочинений), наделенное саркастическим смыслом («друзья» как вредители) и подразумевающее «второй план» («чтеньебесие» самого Льва Сер-

⁴⁹ См.: Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 476, 480, 491, 495, 498.

⁵⁰ Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. III. СПб., 1899. С. 99–100. Запрет на списывание, способный хоть в некоторой степени воспрепятствовать распространению поэмы, оказался совершенно непригодным для спасения от подобной участи мелких стихотворений. 28 июля 1825 г. раздраженный Пушкин осыпал брата упреками: «Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензурованы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их моск.<овской> публике. Благодарю» (XIII, 194).

⁵¹ См. письмо Рылеева Пушкину от конца апреля 1825 г. (XIII, 168); между прочим, Рылеев сообщает, что на этом чтении слушал «Цыганов» уже в четвертый (!) раз.

геевича), характерно именно для переписки Пушкина с братом. Тема мнимых *друзей* — часть той домашней семантики, которой пронизана переписка между братьями за 1824 — первую половину 1825 г. В переписке Пушкина с другими корреспондентами за соответствующий период мы ничего подобного не найдем. Поэтому с достаточной уверенностью можно утверждать, что и приписка-инструкция к так называемому «письму к Д.» адресована Льву Сергеевичу. Упомянутые в ней «друзья», которым нельзя показывать письмо, — не Жуковский или Плетнев и вообще не кто-либо из действительных друзей Пушкина, а те представители сословия «треклятых друзей» (отчасти *те самые* «треклятые друзья»), которые упоминались Пушкиным в других письмах брату, в частности в письме от второй половины февраля 1825 г.

Требование никому не показывать посылаемый текст, которое звучало бы нелепо в письме к издателю, больше других заинтересованному в сохранении тайны, выглядит совершенно естественно в письме к любителю распространять пушкинские сочинения до появления их в печати. Предписание же не показывать письма «даже друзьям», способное вызвать только недоумение, если бы речь шла о *настоящих* друзьях поэта, оказывается вполне уместным по отношению к «минутным друзьям» («друзьям моей славы»), способным приносить интересы автора в жертву собственному тщеславию, праздному любопытству и легкомыслию.

Если мы признаем, что приписка к беловику крымского письма обращена к Льву Сергеевичу Пушкину, то с неизбежностью должны будем признать, что и само письмо, по отношению к которому приписка служила руководством-инструкцией, не только адресовалось Л.С. Пушкину, но и послано было ему, а не барону Дельвигу. Иными словами, мы должны будем признать, что Лев Сергеевич не только оставался литературным адресатом «крымского письма», но был и его *реальным* адресатом, равно как и его реальным получателем.

Зачем и когда было написано, переписано и отправлено пушкинское «письмо»?

В пушкинистике давно и прочно утвердилось представление о связи «Письма к Д.» в первую очередь, если не исключительно, с поэмой «Бахчисарайский фонтан». Вот как, например, В.Э. Вацуро описывает действия и намерения Пушкина после прочтения им книги Муравьева-Апостола: «...он начал набрасывать письмо к Дельвигу, точнее статью в форме письма, где рассказывал о впечатлениях, легших в основу

“Бахчисарайского фонтана”. Это “письмо” можно было сделать потом предисловием к поэме...»⁵²

Я.Л. Левкович пошла много дальше. По ее заключению, пушкинское «Письмо...» было задумано как полемический отклик на статью П.А. Вяземского «Разговор между издателем и классиком...» (предварявшую первое издание «Бахчисарайского фонтана»), которой Пушкин, по мнению исследовательницы, был «явно недоволен» и с которой был «решительно... не согласен». Недовольство и несогласие подогревались еще одним щекотливым обстоятельством: «Предисловие Вяземского напечатано в книге без подписи, т.е. вполне могло быть приписано самому Пушкину». Поэтому «нейтрализовать предисловие Вяземского, отключить его от поэмы и вместе с тем определенно заявить о праве поэта на вымысел он (Пушкин. — О.П.) считает необходимым. На этом фоне и появляется “Отрывок из письма к Д.”. Пушкин спешит дополнить издание поэмы этим своеобразным предисловием к ней»⁵³. Правда, Я.Л. Левкович вынуждена была отметить, что не устроившее Пушкина предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» почему-то появилось и во втором издании поэмы (1827), а «Отрывок из письма к Д.», которым он якобы «спешит» дополнить поэму и посредством которого стремится «нейтрализовать предисловие Вяземского», — только в третьем (1830). Этому обстоятельству исследовательница нашла такое объяснение: Пушкин перепечатал предисловие Вяземского в новом издании, «потому что это облегчило прохождение поэмы через цензуру» (?! — О.П.)⁵⁴, «Отрывок» же не попал туда потому, что «еще свеж был в памяти читателей». Удовлетворившись этим странным разъяснением, Левкович суммирует: «Таким образом, “Отрывок” с самого начала сопутствовал изданию поэмы, имел утилитарное значение, был своеобразным послесловием к ней, только это послесловие не сразу было включено в книгу, а вышло вслед за ней»⁵⁵.

⁵² Вацуро В.Э. «Северные цветы». С. 49.

⁵³ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 240.

⁵⁴ Этот аргумент удивителен: устранение из издания статьи Вяземского не вызвало бы никаких цензурных затруднений.

⁵⁵ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 240–241. В скором времени исследовательница вообще вытеснила из памяти реальность, мешавшую ее концепции. В комментариях к изданию автобиографической прозы Пушкина она не только изложила свои домыслы как твердо установленный факт, но и уверенной рукой перенесла «Отрывок из письма...» из третьего во второе издание поэмы: «Пушкин, недовольный предисловием Вяземского к первому изданию “Бахчисарайского фонтана” в 1824 г., решил вдогонку к этому изданию напечатать свое “послесловие” в альманахе Дельвига “Северные цветы” на 1825 г., но текст, очевидно, был утерян или не дошел до Дельвига, и Пушкин послал ему его второй раз. В качестве приложения к поэме оно попало во все ее издания после 1826 г.» (Пушкин А.С. Дневник. Записки / Изд. подгот. Я.Л. Левкович. СПб., 1995. С. 304).

Между тем Пушкину не было никакой нужды «отключать» предисловие Вяземского от «Бахчисарайского фонтана»: при разногласиях в некоторых теоретических пунктах (в частности, в понимании романтизма) он был в общем доволен статьей, во всяком случае настолько, что в «Письме к издателю “Сына отечества”» выступил в защиту автора от критических нападок Мих. Дмитриева (Сын отечества. 1824. № 18). Никаких *опровержений* статьи Вяземского ни «письмо к издателю», ни «крымское письмо» не содержали, утверждавшееся же в последнем «право на вымысел» не опровергало, а развивало положения «Разговора...». И уж совсем удивительно звучит предположение, будто Пушкин опасался того, что статью Вяземского «могут принять» за его собственную: авторство «Разговора...», в общем изначально ни для кого не составлявшее секрета, было печатно раскрыто самим Вяземским еще в марте 1824 г., в статье «О литературных мистификациях» (Дамский журнал. 1824. № 7); соответственно, и Пушкин в письме к издателю «Сына отечества» прямо называет Вяземского автором «Разговора...».

О том, что крымское письмо вовсе не осознавалось Пушкиным как приложение (в форме послесловия или предисловия) к «Бахчисарайскому фонтану», наглядно свидетельствует и еще одно обстоятельство. Предполагая в 1825 г. выпустить «Бахчисарайский фонтан» вторым изданием (по предложению книгопродавца Селивановского; план не осуществился), Пушкин действительно хотел снабдить его *особым предисловием*. По этому поводу он писал Льву Сергеевичу в первой половине мая 1825 г.: «А между тем пришли мне тот № В.<естника> Евр.<опы>, где напечатан 2-ой разговор лже-Дмитриева, это мне нужно для предисловия к *Бахч.<исарайскому> Фонт.<ану>*. Не худо бы мне переслать и весь процес (и Вестн.<ик> и Дамс.<кий> Жур.<нал>))» (XIII, 174). Как следует из этой просьбы, задуманное предисловие должно было строиться вокруг литературно-эстетических вопросов, затронутых в полемике вокруг поэмы в 1824 г.⁵⁶ Никакого отношения к сюжетам «крымского письма» этот нереализованный замысел не имел.

Для второго издания «Бахчисарайского фонтана» (1827), которое было запродано Смирдину и готовилось под надзором Плетнева, Пушкин собственного предисловия писать не стал, сохранив в качестве приложения «Разговор...» Вяземского. Значит, и в это время предисловие Вяземского Пушкина устраивает и он вовсе не «спешит» (вопреки мнению Я.Л. Левкович) чем-либо его заменять.

⁵⁶ Именно такой характер будет иметь, например, пушкинское предисловие ко второму изданию «Руслана и Людмилы» (1828), представляющее собой разбор критических отзывов о поэме. Подробнее см. наш комментарий в изд.: Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное изд. / Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. М., 2007. С. 73–79 (2-й паг.).

Впервые «крымское» письмо появляется только в третьем издании «Бахчисарайского фонтана» (1830), подготовленном П.А. Плетневым. Вопросы о «классицизме» и «романтизме», поднятые Вяземским в «Разговоре...» и вызвавшие в свое время литературную бурю, теперь утратили для Пушкина остроту и актуальность. В порядке «моральной компенсации» Пушкин намеревался посвятить Вяземскому в новом издании саму поэму, однако в печати посвящение не появилось; 2 мая 1830 г. Пушкин писал Вяземскому: «Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем изд.<ании> Фонтана? Не уж то мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и за чем» (XIV, 87; было ли посвящение действительно запрещено цензурой или осторожный Плетнев решил не рисковать — неясно). Устранение статьи Вяземского резко уменьшало объем издания (в издании 1827 г. «Разговор...» занимал 19 страниц), что могло вызвать недоразумения материального порядка в отношениях с издателем. Писать взамен новое, собственное послесловие у Пушкина не было ни времени, ни желания: «не тем в то время сердце полно было» (14 марта он отправился в Москву и уже 6 апреля сделал официальное предложение Н. Гончаровой). Тогда — мы не знаем в точности, у самого Пушкина или у Плетнева — и родилась счастливая идея: для частичной компенсации устраненной статьи Вяземского перепечатать в новом издании поэмы «Отрывок из письма...» (он занял стр. 41–46). Это был явный паллиатив: в письме «бахчисарайский» эпизод был лишь одним из нескольких сюжетов, причем далеко не главным, он занимает меньше места, чем рассказы о «полуденном берегу» и о посещении Георгиевского монастыря и «развалин храма Дианы» (именно последний эпизод, якобы заставивший автора «думать стихами», изначально был семантическим центром письма). Судьба этого издательского компромисса сложилась удачно: в читательском, а потом и в исследовательском сознании «письмо» прочно слилось с крымской поэмой.

У нас, однако, достаточно оснований полагать, что пушкинское письмо, *превращенное* в 1830 г. в приложение к «Бахчисарайскому фонтану» (может быть, даже без личного участия автора, во всяком случае — без его активного участия), изначально было связано с иным литературным контекстом и, соответственно, должно было выполнять иные функции.

Еще в Одессе, надеясь получить отставку и уверовав (после успеха «Бахчисарайского фонтана») в возможность материально обеспечить свою жизнь литературным трудом, Пушкин начал вынашивать несколько издательских планов. По приезде в Михайловское эти планы вылились, в частности, в намерение за короткий срок подготовить сборник «Разных стихотворений». Уже в начале ноября 1824 г. Пушкин передал с Левуш-

кой, уезжавшим из Михайловского в Петербург, письмо к Никите Всеволожскому, предлагая выкупить у того некогда проигранную в карты тетрадь со стихами (собственно, не столько тетрадь как материальный предмет, сколько *право на издание* вошедших в нее стихов⁵⁷). 29 ноября Пушкин пишет Вяземскому: «Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси» (XIII, 125). Еще до получения согласия Всеволожского Пушкин приступает к переписыванию старых стихов по имеющимся у него источникам в т.н. Капнистовскую тетрадь⁵⁸. С начальной стадией подготовки задуманного издания стихотворений и связано, по нашему мнению, начало работы Пушкина над «крымским письмом».

Пушкин понимал, что для читательского успеха запланированной поэтической книги недостаточно только стихов, пусть и превосходных. Эпоха требовала от поэта *биографии*. «Биография становится не просто реальным фактом, а фактом долженствующим», — точно писал в этой связи Б.В. Томашевский⁵⁹. Слухи о неординарной судьбе молодого Пушкина широко циркулировали в обществе. Сам поэт подтверждал, распространял и усиленно подпитывал эти слухи — как с помощью квази-биографических аллюзий в своих стихах, так и с помощью продуманной эпистолярной стратегии⁶⁰. Письмо, посвященное крымскому путешествию — одному из самых «романтических» и загадочных эпизодов южной биографии Пушкина, — давало прекрасную возможность внести новые яркие штрихи в образ поэта-изгнанника, «русского Байрона», путешествующего по стране, в которой чудесным образом соединились природа полуденных краев, воспоминания античной древности и остатки экзотического «мира востока». Крымское письмо создавало и образ поэта⁶¹, и соответствующий биографический контекст (по большей части фиктивный) для южного творчества Пушкина, в особенности же — для «крымских» стихотворений, большинство из которых специально сочиняется в 1824 — начале 1825 г.⁶² Письмо должно было сопутствовать

⁵⁷ См.: *Томашевский Б.В.* История тетради Всеволожского // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб., 2004. С. 306.

⁵⁸ «Пушкин приступил к работе, не дожидаясь рукописи Всеволожского: очевидно, во всем этом деле согласие Всеволожского было важнее самой рукописи» (Там же. С. 307).

⁵⁹ *Томашевский Б.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 62.

⁶⁰ Так, в частности, Пушкиным был выстроен один из центральных для его южного творчества биографических мифов — миф об «утаенной любви».

⁶¹ См. тонкую характеристику героя-повествователя: *Охотин Н.Г., Рогова А.И.* Отырок из письма к Д. С. 593.

⁶² Самое значительное из них — послание «К Ч<аадаеву>» («К чему холодные сомненья...»), начатое в Одессе в конце весны 1824 г. и завершенное в конце года в Михайловском. В «письме» подробно рассказывается об обстоятельствах его

готовящейся книге стихотворений, в идеале — предвзвешивать ее, задавать ориентиры для ее восприятия⁶³.

14 марта 1825 г. Пушкин, узнав о согласии Всеволожского, пишет брату: «Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру» (XIII, 151). В тот же день он получил и тетрадь Всеволожского — и 15 марта писал Льву и Плетневу: «Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи» (XIII, 153). В тот же или на следующий день он послал в Петербург так называемую Капнистовскую тетрадь с переписанными текстами и указаниями, какие тексты из доступных корреспондентам источников включать в собрание. Судя по подробным техническим инструкциям, данным в этом же письме Льву и Плетневу (относительно композиции текстов, виньетки, оформления, расположения стихов на листе, шрифта и т.п.), Пушкин был исполнен оптимизма и надеялся завершить подготовку издания очень быстро. Вероятно, примерно в это же время — одновременно с отправкой в Петербург стихов — Пушкин завершает и отделяет «крымское письмо» и в свою очередь отправляет его в Петербург.

У нас есть основания и для более точной его датировки. Как мы помним, Н. Охотин и А. Рогова первыми отметили (по необходимости суммарно) особый характер бумаги, на которой написан беловик пушкинского «письма». Пришло время охарактеризовать эту бумагу более подробно.

Крымское «письмо» написано на бумаге с золотым обрезом, с водяным знаком фабрики Л. Сазонова (по классификации Л. Модзалевского и Б. Томашевского — бумага № 58⁶⁴). На этой же бумаге написано несколько «настоящих» пушкинских писем: Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г. (XIII, 157–159), Вяземскому от конца марта — начала апреля (XIII, 159), Л.С. Пушкину от 22 и 23 апреля (XIII, 163–164) и А.А. Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г. (XIII, 177–180)⁶⁵. Среди них

создания — якобы в 1820 г., на морском берегу Тавриды. В этом рассказе ни одно слово не соответствует реальности. Подробнее см. наш комментарий: *Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное издание. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 358–361* (2-й pag.).

⁶³ И вместе с тем — но именно что *вместе с тем* — бросать определенный ответ на уже опубликованный «Бахчисарайский фонтан».

⁶⁴ *Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М., 1937. С. 97.

⁶⁵ См.: *Пушкин А.С. Письма* / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 429; *Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 185; Бумаги А.С. Пушкина в автографах его, хранящиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. Л., 1936 (машинопис в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). За сообщение данных из последнего источника приношу сердечную благодарность А.С. Бодровой.

нет писем Дельвигу, зато есть два, адресованных Льву Сергеевичу Пушкину. Два письма из четырех (самые ранние) связаны непосредственно с подготовкой издания стихотворений: Л.С. Пушкину от 27 марта 1825 г., с планом-проспектом предисловия к книге (в значительной степени адресованным Плетневу), и П.А. Вяземскому от конца марта — начала апреля⁶⁶, с извещением о готовящемся собрании стихотворений («Стихотворения мои отосланы в Пет<ер>б.<ург> под Бирукова»). «Крымское письмо», в свою очередь тесно связанное с планирующимся изданием стихотворений, органически встраивается в этот ряд и, по-видимому, должно быть датировано мартом 1825 г.

Дополнительным аргументом в пользу такой датировки выступает подробно разобранный нами тема мнимых «друзей» в приписке-инструкции, которая специально поднималась Пушкиным в письме Левушке от конца февраля. Чтобы адресат понял намек с полуслова, между письмами не должно было быть большого временного зазора; отнесение «крымского письма» к более позднему времени такой зазор увеличивает.

Поскольку, по нашему мнению, это «письмо» должно было предварять выход книги пушкинских стихотворений (или, по крайней мере, сопутствовать ей), Пушкин никак не мог намереваться опубликовать его в «Северных цветах на 1826 год»: при самом благоприятном стечении обстоятельств новая книжка альманаха, не начавшая даже собираться, могла увидеть свет только на исходе года⁶⁷. Конечно, Пушкин предполагал опубликовать «письмо» в оперативном периодическом издании — в журнале. С расчетом на журнальную публикацию оно и было отправлено Льву Сергеевичу.

Пушкин нередко посылал Левушке свои стихи, с тем чтобы тот устраивал их в журналы и альманахи по собственному усмотрению и к собственной выгоде. По всей вероятности, и в случае с «крымским письмом» никаких прямых предписаний и определенных указаний насчет места публикации Лев Сергеевич не получил: ему была предоставлена свобода выбора. Указания, касающиеся состава текста⁶⁸, и позволение

⁶⁶ Вероятнее всё же — от конца марта. Письмо Вяземскому тесно связано по содержанию с письмом Льву Сергеевичу от 27 марта и писано едва ли не в тот же день.

⁶⁷ Обстоятельства, напомним, сложились неблагоприятно: альманах вышел с существенным запозданием, лишь в апреле 1826 г.

⁶⁸ Пушкин перечеркнул первый и последний абзацы, но в приписке обозначил необходимость устранения только первого («Начала в самом деле не нужно»). Как мы помним, В.Э. Вацуру, считавший письмо адресованным Дельвигу, предполагал здесь следы обсуждения статьи в Михайловском. Нам же представляется, что этим указанием Пушкин предупреждал и как бы заранее аннулировал возможное недоумение и вопросы корреспондента, посвященного в историю обретения и чтения Пушкиным книги Муравьева-Апостола: вычеркнутый первый абзац — единственный явный знак адресата, Льва Сергеевича. Сосредоточившись на

показывать письмо после изготовления цензурной копии («разве переписав уже...») говорят о том, что Пушкин рассчитывал увидеть «письмо» в печати в самом недалеком будущем.

Однако Левушка, получив от Пушкина письмо, должен был испытать известное смущение. Он хорошо знал, что и как делать с пушкинскими стихами. Стихи шли нарасхват; еще 17 января 1826 г. Лев Сергеевич писал С. Соболевскому, разъясняя, почему он отказывается принять предложение Н. Полевого ежемесячно поставлять в «Московский телеграф» пушкинские сочинения на определенных финансовых условиях: «...я их продавая другим журналистам получаю 10 и более рублей за стих; вся годовая сумма Полевова равняется с платой, которую предлагает мне Аладин за одну пьесу брата»⁶⁹. Но совсем не ясно было, что делать с «крымским письмом», кого можно им заинтересовать, кому и на каких условиях его предлагать: и публика, и издатели ждали от Пушкина «сладкозвучных творений», а не «почтовой прозы»⁷⁰. Судя по всему, письмо на какое-то время легло в секретер Левушки.

Д. отсутствует, появляется и исчезает

А где же все эти месяцы находился «канонический» адресат пушкинского письма, прочно утвержденный в этой роли традицией, — А.А. Дельвиг?

Пушкин тщетно ожидал приезда Дельвига в Михайловское на протяжении осени, зимы и начала весны: сначала того задерживали дела альма-нашские, а на первой неделе февраля к нему из витебского имения прибыл отец, о возможных последствиях чего Пушкина известил П.А. Плетнев 7 февраля 1825 г.: «Дельвиг к тебе не скоро будет. К нему приехал отец»

этом пункте, Пушкин не дал никаких комментариев по поводу вычеркнутого последнего абзаца, что впоследствии было понято публикаторами как санкция на его сохранение — может быть, ошибочно, о чем свидетельствует последнее исключение его самим Пушкиным (см. ниже).

⁶⁹ Пушкин в переписке С.А. Соболевского / Публ. и примеч. М. Светловой // Лит. наследство. Т. 16/18: Александр Пушкин. М., 1934. С. 730.

⁷⁰ Показательно в этом отношении мнение Н.М. Языкова, писавшего 25 апреля 1826 г. родным о публикации «Отрывка из письма к Д.» в «Северных цветах»: «Дельвиг сделал немалую глупость, напечатав письмо Пушкина о Бахчисарае» (Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. (Языковский архив. Вып. I). С. 247). Завистливый Языков относился к Пушкину с ревнивой неприязнью, особенно до личного знакомства, но в данном случае им, по-видимому, руководило искреннее недоумение: Языков, судя по всему, действительно не мог понять и оценить литературного значения пушкинской прозы. Лишь в 1830-х гг. «Отрывок из письма...» был признан в своем роде образцовым. Под названием «К Д. о Тавриде» пушкинский текст был опубликован в отделе «Письма» в кн.: *Ленинский И.* Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. Ч. 1. СПб., 1833. С. 294–297.

(XIII, 141). Около 12 февраля Дельвиг вместе с отцом покинул столицу и отправился в Витебск «по домашним делам». Пушкин, кажется, не вполне поверил житейской мудрости Плетнева и не потерял надежды, о чем свидетельствуют письма Левушке от конца февраля («Дельвига с нетерпением ожидаю», XIII, 146), 14 марта («Дельвига жду [...] Мочи нет, хочется Дельвига», XIII, 151, 152) и 27 марта («Дельвига нет еще!», XIII, 158). Издатель «Северных цветов» дал о себе знать почти через шесть недель после отъезда: в письме Пушкину из Витебска от 20 марта, дошедшем до Михайловского, видимо, в самом конце месяца, он рассказал о внезапной «горячке» («с воспалением в правом боку и груди»), нарушившей его жизненные планы и задержавшей давно ожидавшийся приезд в пушкинскую деревню (XIII, 154).

Только на второй неделе апреля (после 8 числа) Дельвиг наконец добрался до Михайловского, где провел две с небольшим недели⁷¹. Конечно, в Михайловском Пушкин с Дельвигом активно обсуждали литературные дела, на очередь естественным образом встал и вопрос о материалах для новой книжки «Северных цветов». Живые отголоски михайловских разговоров звучат в письме Пушкина к Вяземскому от 20-х чисел апреля: «К стати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной С.<анкт> П.<етер> Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цветы** на след. год. Мы все об них постараемся». В специальном примечании-выноске к фразе «поддержи его *Цветы*» Пушкин («уже просто под диктовку Дельвига»⁷²) спрашивает адресата: «Да нет ли у тебя и прозы?» (XIII, 166).

Проза — извечный альманашный дефицит. Заручившись обещанием Вяземского, полученным благодаря Пушкину, Дельвиг повторил просьбу о прозе в письме к князю от 22 ноября 1825 г. («ежели вы всё еще добры по-прежнему к Дельвигу, то поспешите прислать ему и прозу, вами обещанную...»)⁷³, но так ничего и не дождался: у Вяземского, увлеченного в ту пору сотрудничеством с «Московским телеграфом», свободной «прозы» не нашлось.

Зато у Пушкина проза теперь имелась. Это было «крымское письмо», которое лежало в петербургском секретере Левушки, дожидаясь своего часа. Откликаясь на просьбы Дельвига и желая его «поддержать», Пушкин, по-видимому, сразу согласился передать письмо в новую книж-

⁷¹ «27 апреля имя Дельвига вновь появляется в дневнике Козлова: он вернулся в Петербург» (Вацуро В. Э. «Северные цветы». С. 49).

⁷² Там же. С. 48.

⁷³ Дельвиг А. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. В. Вацуро. Л., 1986. С. 307.

ку «Северных цветов»: запланированная синхронность выхода книги стихов и публикации письма была принесена в жертву дружбе.

Разумеется, о том, чтобы заново переписать письмо, пользуясь имеющимся черновиком (в сущности, это означало бы создание новой редакции), и вручить его издателю прямо в Михайловском, речи идти не могло: это было не в правилах Пушкина⁷⁴. Пушкин, скорее всего, велел Дельвигу обратиться за письмом к Левушке, что издатель «Северных цветов», должно быть, и поспешил сделать сразу по прибытии в Петербург в самом конце апреля или в начале мая⁷⁵.

Лев Сергеевич к переписыванию текста письма не приступал, он — надо думать, не без душевного облегчения — передал Дельвигу пушкинский оригинал⁷⁶. Текст оказался воспроизведен в «Северных цветах на 1826 год» очень аккуратно, с учетом инструкций, данных Левушке. В альманахе появился лишь один элемент, отсутствовавший в авторской рукописи, — заголовок «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.». Неясно, было ли согласовано с автором жанровое обозначение («Отрывок»). В инициале же «Д» читатели должны были безошибочно узнать самого

⁷⁴ Совершенно экстраординарным событием стало переписывание для Вяземского второй главы «Евгения Онегина», но этот беспрецедентный поступок был актом дружеской моральной поддержки: Вяземский находился в состоянии глубокой депрессии после смерти сына. Зато, согласившись дать Дельвигу фрагмент из этой главы для «Северных цветов на 1826 год» (см. письмо Дельвигу от октября — первой пол. ноября 1825 г.), Пушкин уже не утруждал себя переписыванием. 22 ноября 1825 г. Дельвиг из Петербурга обращается к Вяземскому с просьбой: «Велите мне списать или препоручите это Баратынскому два отрывка из 2-й песни “Онегина”» (*Дельвиг А.А. Сочинения. С. 307*). Вяземский находился в это время в Остафьево и пообещал выслать желаемые отрывки по возвращении в Москву (см. письмо Вяземского Дельвигу от 7 декабря 1825 г. // *Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1899–1900. Отд. 1. С. 14*). Как следует из письма Дельвига Пушкину от начала февраля 1826 г. (XIII, 260), отрывки в конце концов собственноручно переписала и прислала Дельвигу кн. В.Ф. Вяземская. Итак, изготовление копии потребовало корреспонденции между Москвой, Петербургом и Остафьевым, вовлекло в процесс трех лиц (и едва не вовлекло четвертого) и заняло более двух месяцев (и каких! На них приходится восстание на Сенатской площади, аресты членов тайного общества и начало следствия; письма — особенно таких подозрительных лиц, как князь Вяземский, — в этот период, конечно, усиленно перлюстрировались). Между тем речь шла об отрывке в 20 стихов, переписывание которого отняло бы у Пушкина не более десяти минут.

⁷⁵ В первые месяцы после возвращения в Петербург Дельвиг общается с Левушкой очень часто: только на вечерах у И.И. Козлова они встречаются 28 апреля, 3 мая, 9 мая, 12 мая, 25 мая, 29 мая, 1 июня, 5 июня, 12 июня, 17 июня (*Вацуро В.Э. «Северные цветы»*. С. 50, 52; дневник Козлова за вторую половину года утрачен). При этом не приходится сомневаться, что встречами у Козлова общение Дельвига и Льва Сергеевича в ту пору не ограничивалось.

⁷⁶ В противном случае оригинальный текст должен был бы сохраниться среди пушкинских писем Льву, перешедших от него к С.А. Соболевскому, который — к неудовольствию Вяземского — опубликовал их в «Библиографических записках» (1858. Т. 1). Характеристику этого комплекса писем, объединенных Соболевским в особый альбом, см.: *Соловьева О.С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л., 1964. С. 51–53.*

барона Дельвига. Услышав сообщение Пушкина о наличии у него «прозы» для альманаха, а затем ознакомившись с текстом «крымского» письма, Дельвиг должен был заключить, что письмо и обращено к нему, издателю «Северных цветов». То, что оно оказалось в руках Левушки, его не должно было ни удивить, ни смутить: в ситуации, когда самого издателя долго не было в Петербурге, Пушкину естественно было использовать брата в качестве посредника, «впрок» посылая ему сочинения для отсутствующего корреспондента⁷⁷.

Альманах «Северные цветы на 1826 год», в котором впервые был опубликован «Отрывок из письма...», вышел в апреле 1826 г. А через четыре года, в начале апреля 1830 г., увидело свет третье издание «Бахчисарайского фонтана». Это издание, как отмечалось, готовил к печати П.А. Плетнев, превратившийся к тому времени в главного литературного комиссионера Пушкина. В новом издании «Отрывок из письма...» — возможно, по рекомендации и инициативе Плетнева — впервые опубликован в качестве приложения к поэме, заместив собою полемическое предисловие Вяземского. Текст был перепечатан из «Северных цветов», сразу за сделанной Вяземским для первого издания выпиской из «Путешествия по Тавриде», без альманашного заголовка, но в сопровождении преамбулы «От издателей». В преамбуле сообщалось: «Желая познакомиться читателей, не бывавших в Тавриде, со сценою повествования Поэта нашего, предлагаем им здесь 1) выписку из любопытного и занимательного Путешествия по Тавриде, изданного И.М. Муравьевым-Апостолом, 2) отрывок из письма самого Автора к Д***»⁷⁸. Заглавие, вводная сентенция и первый пункт преамбулы почти дословно повторяли текст заметки «От издателей» (написанной П.А. Вяземским) в первом издании «Бахчисарайского Фонтана»⁷⁹; второй же пункт, вновь добавленный, воспроизводил заголовок «отрывка из письма к Д.» в «Северных цветах» (с единственной переменной: «А.С. Пушкин» был заменен на «самого Автора»). Текст «отрывка из письма» практически не отличался от альманашного, за исключением нескольких мелких пунктуационных уточнений⁸⁰. Вся эта редакторская работа производилась Плетневым без участия Пушкина.

⁷⁷ Ср. в многократно цитировавшемся выше письме от конца февраля 1825 г.: «Если придет тебе пакет на имя Дельвига, то распечатай — позволяю» (ХІІІ, 146).

⁷⁸ Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. СПб., 1830. С. [32].

⁷⁹ Редактура была минимальной: устранено одно слово (в предыдущем издании: «недавно изданного»), в инициалах Муравьева-Апостола исправлена опечатка (в первом издании И.М. вместо И.М.).

⁸⁰ Н.Н. Петрунина допустила здесь странную ошибку: «[...] “Отрывок” в приложении к третьему изданию “Бахчисарайского фонтана” был напечатан без стихов к Чаадаеву. Это-то и наводит на мысль, что в публикации 1830 г. своеобразным замещением послания, принявшим на себя его функцию, явилась

В 1835 г., через четыре года после безвременной кончины Дельвига, «Бахчисарайский фонтан» печатается в *четвертый раз*, но теперь уже не отдельной книжкой, а в составе двухтомного собрания «Поэмы и повести Александра Пушкина» (цензурное разрешение — 12 января 1835 г.). «Крымское письмо» и здесь было помещено в качестве приложения к поэме.

У издания 1835 г., изобилующего опечатками и иными типографскими огрехами, в кругу пушкинистов давно установилась не лучшая репутация⁸¹; участие самого Пушкина в его подготовке представлялось — в общем, по-видимому, справедливо — незначительным⁸². По формулировке Н.Г. Охотина, для Пушкина это издание «было скорее рутинным коммерческим предприятием, нежели самостоятельным литературным проектом»⁸³.

Тем примечательнее изменения, которые коснулись в этом издании «крымского письма». «Письмо» — едва ли не *единственный* текст в «Поэмах и повестях», несущий на себе следы активного и очень основательного авторского вмешательства. Основные его результаты оказались следующими:

— Удалено послание к Чадаеву («К чему холодные сомненья?...») и, соответственно, вводящий его прозаический текст. О причинах этого удаления пока можно строить только более-менее правдоподобные догадки⁸⁴;

— Исключен финальный, «лирико-биографический» абзац («Рас-толкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?» и т.д.). Сокращение радикально изменило структуру, композицию и жанр текста: полностью исчез лирически окрашенный образ автора (и его интимный диалог с адресатом), текст

поэма — другой плод поэтического вдохновения автора» (*Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. С. 42–43). Это утверждение, на котором выстроена целая концепция, не соответствует действительности: в тексте «Отрывка из письма», приложенном к третьему изданию поэмы, послание Чадаеву напечатано полностью (на стр. 44).

⁸¹ Характерно замечание Н.В. Измайлова, высказанное 25 марта 1936 г. при обсуждении в Пушкинской комиссии доклада Г.О. Винокура о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану»: «Издание 1835 г. плохое» (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 57. Л. 22. Замечание Измайлова — наряду с репликами и комментариями других слушателей, выступавших в прениях по докладу, — законспектировано Г.О. Винокуром).

⁸² Отсутствием надлежащего авторского надзора объяснялись многочисленные опечатки, технические небрежности и просчеты, вплоть до исчезновения эпитафий (которыми Пушкин очень дорожил) к «Бахчисарайскому фонтану» и «Полтаве». См. опубликованные нами соображения Г.О. Винокура по этому поводу: *Пушкин А.С.* Сочинения: Комментарированное издание. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. С. 306–307 (2-й паг.).

⁸³ Там же. С. 12 (2-й паг.).

⁸⁴ См. наши предположения в комментарии: Там же. С. 361 (2-й паг.).

действительно превратился в «отрывок», соотносящийся с эмоционально скупой пушкинской прозой 1830-х гг.;

— Наконец, заголовок в издании «Поэм и повестей» давался не в сопроводительной заметке от издателей, как в третьем издании «Бахчисарайского фонтана», а прямо перед текстом, как в публикации «Северных цветов». По сравнению с альманахом заголовок претерпел формально незначительную, но содержательно радикальную трансформацию: теперь текст назывался не «Отрывок из письма к Д.», а просто «Отрывок из письма». Иначе говоря, обозначение адресата из заголовка исчезло.

Эту перемену невозможно объяснить ни случайными техническими причинами, ни внешними, «нетворческими» соображениями (или обострившимися идейными разногласиями). Сокращения, превращающие письмо в «отрывок», сами по себе не требовали устранения имени (вернее — инициала имени) адресата. Устранение это может объясняться — и, как мы стремились показать всем ходом нашего изложения, *должно* объясняться — тем, что А.А. Дельвиг адресатом пушкинского письма никогда не мыслился и, соответственно, никогда им не был. Адресат у письма был *другим*, что имело для автора *литературное* значение. Произведенные структурные изменения позволили Пушкину-литератору сравнительно безболезненно изъять неавторское (и ошибочное) обозначение адресата, не нанося посмертной обиды другу, потерю которого Пушкин-человек оплакивал.

В будущем электронном собрании сочинений Пушкина, направленном не на установление «подлинного» текста, а на демонстрацию его динамической вариативности, жизнь и судьба «крымского письма» должны будут обрести впечатляющую наглядность.

Литература

Балакин А.Ю. А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 19–30.

Балакин А. Ближе к тексту: Разыскания и предположения. СПб.: Пальмира, 2017. 357 с.

Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М.: Книга, 1978. 288 с.

Винокур Г.О. Из комментариев к Пушкину / Публ. О.А. Проскурина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. СПб.: Российская академия наук; Росток, 2016. С. 47–54.

Кац Б.А. Одиннадцать вопросов к Пушкину. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 160 с.

Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.

Могилянский А.П. Личность Пушкина. СПб.: Элмор, 1995. 111 с.

Хотин Н.Г., Рогова А.И. «Отрывок из письма к Д.» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л — О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 590–595.

Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: пути эволюции. Л.: Наука, 1987. 335 с.

Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) / Публ. и коммент. К.П. Богаевской; Вступ. ст. Н.Л. Степанова // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. Декабристы-литераторы. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 191–230.

Пушкин А.С. Дневник. Записки / Изд. подготовила Я.Л. Левкович. СПб.: Наука, 1995. 336 с.

Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное издание / Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. М.: Новое издательство, 2007. 248 + 400 с.

Пушкин в переписке С.А. Соболевского / Публ. и примеч. М. Светловой // Литературное наследство. Т. 16/18: Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 725–757.

Томашевский Б.В. История тетради Всеволожского // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 303–324.

Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 27–65.

Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1991. 785 с.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.

References

Balakin A. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia* [Close to the text: Research and assumptions]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., 2017. 357 p. (In Russ.)

Balakin A.Iu. A.S. Pushkin i kniga I.M. Murav'eva-Apostola "Puteshestvie po Tavride v 1820 gode" [A.S. Pushkin and I.M. Muravyov-Apostol's book "The Journey to Tauris in 1820"]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 2, pp. 19–30. (In Russ.)

Chereiskii L.A. *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and his entourage]. 2nd ed. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 544 p. (In Russ.)

Fomichev S.A. Rabochaia tetrad' Pushkina PD № 835: (Iz tekstologicheskikh nabludeniĭ) [Pushkin's workbook PD 835: (From textual observations)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy. T. 11* [Pushkin. Studies and materials. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 27–65. (In Russ.)

Kats B.A. *Odinnadtsat' voprosov k Pushkinu* [Eleven questions to Pushkin]. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2008. 160 p. (In Russ.)

Levkovich Ia.L. *Avtobiograficheskaia proza i pis'ma Pushkina* [Pushkin's autobiographical prose and letters]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 328 p. (In Russ.)

Mogilianskii A.P. *Lichnost' Pushkina* [Pushkin's personality]. St. Petersburg, Elmor Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)

Okhotin N.G., Rogova A.I. "Otryvok iz pis'ma k D'" ["An excerpt from the letter to D"]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Vyp. 3: L — O* [Pushkin encyclopedia: Works. Iss. 3: L — O]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 590–595. (In Russ.)

Petrunicina N.N. *Proza Pushkina: puti evoliutsii* [Pushkin's prose: paths of evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 335 p. (In Russ.)

Pis'ma Aleksandra Bestuzheva k P.A. Viazemskomu (1823–1825) [Alexander Bestuzhev's letters to P.A. Vyazemsky (1823–1825)], publ. and comment. by K.P. Bogaevskaya, intro. by N.L. Stepanov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 60. Kn. 1. Dekabristy-literatory. II* [Literary heritage. Vol. 60. Book 1: Decembrists — men of letters. II]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 191–230. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Dnevnik. Zapiski* [Diary. Notes], ed. by Ia.L. Levkovich. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 336 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Sochineniia: Kommentirovannoe izdanie* [Works: Commented edition], ed. by David M. Beta. *Vyp. 1: Poemy i povesti. Ch. 1* [Iss. 1: Narrative poems and stories. Part 1]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 248 + 400 p. (In Russ.)

Pushkin v perepiske S.A. Sobolevskogo [Pushkin in S.A. Sobolevsky's correspondence], publ. and notes by M. Svetlova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 16/18: Aleksandr Pushkin* [Literary heritage. Vol. 16/18: Alexander Pushkin]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1934, pp. 725–757. (In Russ.)

Tomashevskii B. V. *Istoriia tetradi Vsevolozhskogo* [The story of Vsevolozhsky's copybook]. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: B 20 t. T. 2. Kn. 1* [Complete works: In 20 vols. Vol. 2. Book 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 303–324. (In Russ.)

Tsiavlovskii M.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. 1799–1826* [Chronicle of A.S. Pushkin's life and work. 1799–1826], 2nd ed., ed. by Ia.L. Levkovich. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 785 p. (In Russ.)

Vatsuro V.E. "Severnoye tsvety": *Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina* ["Northern Flowers": The story of the Delvig-Pushkin almanac]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 288 p. (In Russ.)

Vinokur G.O. *Iz kommentariiev k Pushkinu* [From the commentary to Pushkin's work], publ. by O.A. Proskurin. *Vremennik Pushkinskoi komissii. Vyp. 32* [Pushkin Commission Chronicle. Iss. 32]. St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., Rostok Publ., 2016, pp. 47–54. (In Russ.)

**“An excerpt from the letter [to D.]” by A.S. Pushkin:
addressee, function, dating**

© 2019, Oleg Proskurin

Abstract: The article proves that the text, published in the literary almanac “Northern Flowers for 1826” under the title “An excerpt from A. Pushkin’s letter to D[elvig]”, was, in fact, created as a letter to Pushkin’s brother Leo (Lev Sergeevich). The article revises the date and pragmatics of this work, its connection with the literary and biographical context. The article contains a detailed critical analysis of the interpretations of the topic introduced by leading Pushkin scholars: Boris Modzalevsky, Mstislav Tsiavlovsky, Grigorii Vinokur, Vadim Vatsuro, Sergei Fomichev, and Yanina Levkovich. The conclusions of the author are based on a thorough study of the history of the text of the “letter”: its draft manuscript copy in the “Second Masonic notebook”, its fair copy, and all lifetime publications.

Keywords: Alexander Pushkin, Lev Pushkin, Anton Delvig, text criticism, dating, addressee problem, text history, narrative poem “The Fountain of Bakhchisarai”, Crimea

Information about the author: Oleg Proskurin, PhD, Visiting Whitney J. Oates Fellow, Princeton University. Princeton, NJ, USA. E-mail: proskurin.oleg@gmail.com

Citation: Proskurin Oleg. “An excerpt from the letter [to D.]” by A.S. Pushkin: addressee, function, dating. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 348–383. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-348-383